

* 8 МАР 1972
Газета

г. Грозный

добавим, актрис в большей степени.

Их судьбы в чем-то были очень похожими одна на другую и в то же время удивительно оригинальными, как неповторима всякая истинно творческая личность. По-разному приходили они в искусство. Иных из них уже нет ни на сцене, ни в жизни. Но жив театр — их детище. На смену первым пришла образованная талантливая молодежь. Мно-

гоба сны будущих актеров и первый творческий отчет перед зрителями родной республики.

А где-то в последних рядах партера сидела, замирая от счастья, и прятала от соседей мокрые от слез радости глаза заслуженная и всеми любимая актриса Асет Исаева. И мало кто из присутствовавших в зале знал, что сбылась ее материнская мечта, что сегодня на сцене играют обе ее дочери, Рая и Тамара.

АКТРИСЫ

гие женщины Чечено-Ингушетии стали врачами, учителями, знатыми колхозницами, инженерами, учеными. В этом счастьем преображении есть доля труда и актрис, борющихся со сцены с косностью быта, старыми нравами, которые оборачивались бедой прежде всего для горской женщины.

СЕГОДНЯ, ПРИДЯ на спектакль, устроившись удобно в кресле и развернув программу, вы прочтете рядом с именами Х. Мустапаевой, Х. Хакишевой, А. Ташихалжиевой — «заслуженная артистка ЧИАССР» Народной артистка республики стала Т. Алнева.

Не выходит сегодня на сцену заслуженная артистка РСФСР Асет Исаева — одна из самых первых актрис театра. Но в памяти до сих пор живут созданные ею образы женщин благородного сердца: мать, отдавшая Родине своих сыновей. Невозможно без улыбки вспомнить ее Майму из «Бож-Али», тетюшку из «Аршин Мал-Алана», своеправную свекровь из одноименного спектакля. Сегодня нет с нами талантливых актрис. Но ее жизненный и человеческий опыт, творческие поиски стали школой для молодых.

СОБЫТИЕ ЭТО буквально возбудоражило город. Задолго до начала представления у театра собралась молодежь. Давали «Ромео и Джульетту». Интерес к спектаклю был пристальный: на сцене театра имени Ханпашы Нурадилова в тот вечер играли воспитанники Чечено-Ингушской студии Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. Это была

ТЕАТР ГОТОВИЛСЯ показать зрителям «Горянку» по поэме Расула Гамзатова. Рассказывала пьеса о судьбе горской девушки. Нарушила она волю отца: отвергла презренного, постылого ей жениха, уехала учиться. Отец проклял ее и в душе терзался. Мать тайком от мужа успокаивала дочь.

Словно судьбу самой Исаевой описал в этой драме дагестанский поэт. И, готовя роль матери, актриса помнила горе, тоску и страх своей матери, а встречаясь на сцене с юной героиней спектакля (по пьесе ее тоже звали Асет), словно встречалась со своей сестрой. В это время в театре появилась почти девочка, хрупкая, с грустным лицом и выразительными глазами. Режиссер М. Г. Минаев взял Зулейку в театр из студенческой самостоятельности. Ее путь в искусство начался судьбой гамзатовской горянки. Над головой Зулейки сгустились тучи. Друзья оберегали ее. Родственники негодовали. Мать приходила тайком в театр и плакала.

— Послушай, — говорила ей старая актриса Исаева, — ты — мать. Я — тоже. Какая женщина толкнет своего ребенка в пропасть? Ты знаешь, у меня две дочери, тоже будущие актрисы. Разве могла бы промолчать я, не помешать им, если бы считала путь актера бесчестным, их долю злой, славу позорной? Не мешай. Зулейка — актриса, а талант — это редкий и счастливый дар.

Нет, сразу не убедила горюющую мать-актриса. Но где-то в уголке сердца, может быть, поселила сомнение в том, что ей одной принадлежит право властвовать над мыслями, чувствами, поступками дочери... Зулейка осталась в театре. Стала хорошей актрисой, заканчивает театральный институт в Москве. Во второй раз выбрали ее депутатом Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР. Во время гастролей в Москве ее очень хвалили. Не пришлось узнать об этом старой актрисе. Но тогда, давно, была горда она и счастлива, что помогла хоть чуть-чуть рождению еще одной счастливой актерской судьбы.

Не только искусством — своим личным примером учили первые актрисы Чечено-Ингушского театра горских женщин гражданственности, умению быть сильными, искать и находить свою тропу в жизни.

В. ЧЕРНЫШОВА

ЕСЛИ БЫ СОБРАТЬ вместе всех героинь, сыгранных на сцене Чечено-Ингушского театра имени Ханпашы Нурадилова, получилось бы довольно пестрое общество. Диалоги этих женщин могли бы как нельзя полнее поведать нам о судьбах женщин самых разных племен и народов, всех времен — от Шекспира до наших дней. Это была бы удивительная летопись судеб. И хотя существует она много веков, в Чечено-Ингушетии перевернули первую ее страницу сравнительно недавно.

Это случилось 1 марта 1924 года. Девушки-ингушки Владикавказской партшколы вышли на сцену и поставили спектакль «Похищение» на ингушском языке. До первого профессионального театра тогда было еще далеко, но удивительный сам по себе дебют этот стал первым осознанным шагом народа к искусству театра. И в том, что сделали этот шаг девушки, тоже заключался огромный жизненный смысл.

Слова «актриса» до той поры не существовало в языке чеченцев и ингушей, как не было и самих актрис. Решение выйти на подмостки сцены публично воспринималось как дерзость, как откровенный вызов вековому укладу жизни и было равносильно подвигу — гражданскому и просто человеческому. И девушки свершили этот подвиг.

Теперь трудно восстановить имена этих стихийных актрис. Но их опыт не остался незамеченным. В жизни ничто не проходит бесследно. 12 марта 1931 года Секретариат Чеченского обкома ВКП(б) признал необходимым организовать национальный театр, который «своей целевой установкой должен ставить выковку актеров-массовиков» и «в наикратчайший срок покончить с «культурной отсталостью». А через полтора месяца, 1 мая, открылась в Чечено-Ингушетии первая студия национального театра. Небольшая горстка чеченских и ингушских юношей и девушек составила первую за всю многовековую историю войнахов профессиональную группу. Как всем первым, им пришлось очень нелегко. История рождения Чечено-Ингушского театра — это история становления их человеческой и творческой индивидуальности. Потому история театра жива в судьбах его актеров и